

А. Н. Федоров

**«Стратегии выживания» российского
горожанина в условиях революционных
перемен (1917–1920 годы)**

Гражданское общество в современной России проявляет устойчивый интерес к своим «корням», многие из которых сформировались в предшествующие периоды советской и российской истории. Объективное представление о «скрытых», повседневных сторонах жизни российского социума существенно расширяет наше понимание взаимоотношений власти и общества, складывающихся, в том числе, и в настоящее время. Справедливость этого утверждения подтверждается современными гуманитарными исследованиями тех или иных аспектов социальной жизни. С точки зрения историка, большим эвристическим потенциалом обладает выяснение умонастроений, надежд, забот и тревог простого человека, жившего в то или иное историческое время. В таком случае становится возможным объективно оценить какие-либо политические события, социально-экономические реалии прошлого. Реакция населения на происходившие изменения была подчас непредсказуема, особенно это заметно в нестабильные отрезки истории, такие как революции и войны. Калейдоскоп окружающей жизни в эти моменты причудливым образом влиял на рядового гражданина, снимая все ограничения, которые ранее накладывала жизнь в обществе, и человек показывал свое внутреннее «Я», иногда совсем неприглядное и отталкивающее.

Важную роль в нормальном функционировании общественного организма играют условия социальной жизни. Применительно к истории послереволюционного российского общества в современной науке вошло в широкое употребле-

ние новое понятие – «стратегии выживания»¹. Под ним понимается совокупность техник, методов, форм приспособления населения к резко и постоянно меняющимся условиям жизни в нестабильное время. Первой монографией, где в центре исследования находится реконструкция стратегий выживания «маленького человека», стала работа И. В. Нарского «Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг.»² Конкретные способы выживания представляли собой сложную комбинацию легального и наказуемого, они делились по сферам борьбы за существование, по степени лояльности к режиму, на активные и пассивные способы. Их техника была чрезвычайно многообразна, а происхождение и социальная принадлежность человека, несмотря на провозглашенную в России непримиримую классовую борьбу, «не оказывали столь мощного воздействия на повседневное существование, как всеобщее оскудение и разорение»³.

С методологической точки зрения представляют интерес наработки Н. Б. Лебиной в рамках «концепции девиантного поведения», которая прикладывается к повседневной жизни советского города⁴. Исследователь использовал «дихотомию»: «норма – аномалия», «социальное добро – зло». Основными составляющими городской жизни автор признал пьянство, преступность, проституцию, смерть, а также «новый быт», дом, одежду, досуг, частную жизнь. Советскую науку⁵ справедливо упрекали в «лакировке» действительно-

¹ Авторство признается за В. В. Канищевым, исследователь предложил первую классификацию способов выживания. См.: *Канищев В. В.* Приспособление ради выживания (мещанское бытие эпохи «военного коммунизма») // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 100.

² *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

³ Там же. С. 20–27, 387–390.

⁴ См.: *Лебина Н. Б.* Теневые стороны жизни советского города 20–30-х годов // Вопросы истории. 1994. № 2; *Она же.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии 1920/1930 годы. СПб., 1999.

⁵ Хотя в историографии долгое время считалось, что в совет-

сти, в игнорировании определенных болезней социума. Но «постсоветская историческая литература грешит чрезмерным увлечением именно аномалиями, якобы заменившими собой социальные нормы»¹. Имеются веские критические замечания относительно наработок Н. Б. Лебиной². С другой стороны, число сторонников дихотомии «норма – аномалия» достаточно велико³.

ском обществе некоторые формы отклоняющегося поведения не имели и не имеют места, все же появились отдельные работы по данной проблематике. Советские историки относили девиации к социально патологическим и социально опасным явлениям. См.: *Бордюгов Г. А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы) // *История СССР*. 1989. № 1. С. 60, 73.

¹ См.: *Смирнова Т. М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 гг. М., 2003. С. 5.

² А. С. Сенявский подчеркивает, что собственно нормальная составляющая городской жизни уходит у автора на второй план, практическое многообразие городской жизни сводится к патологическим или маргинальным проявлениям. «Методологическая некорректность такого подхода становится очевидной, если задать простой вопрос: «Как же те же самые люди, жители Ленинграда, «погрязшие», если верить автору, в социальных аномалиях в 1920/1930 гг., лишь через несколько лет проявят массовый героизм, отстояв город, выдержав ужасную длительную блокаду»? См.: *Сенявский А. С.* Повседневность как методологическая проблема микро- и макроисторических исследований (на материалах российской истории XX века) // *История в XXI веке. Историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества*. М., 2001. С. 29.

В более поздней работе Н. Б. Лебина признала, что соблазны различного рода «занимали не у всех горожан и не все их свободное время, отличавшееся большим разнообразием». См.: *Лебина Н. Б., Чистиков А. Н.* Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003. С. 10.

³ См.: *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001; *Панин С. Е.* Повседневная жизнь советских городов: пьянство, проституция, преступность и борьба с ними в 1920-е годы (на материалах Пензенской губернии): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2002; *За-*

Фактор нестабильности неоднократно проявил себя в истории России XX века: революции, войны, реформы потрясали воображение обывателя, нарушали привычный ход его жизни. В этой связи особый интерес представляет историческое время с 1917 по 1920 г., так как в нем накладывались друг на друга сразу несколько дестабилизирующих механизмов: внутренняя и внешняя войны, революция, последующая трансформация социального организма. Произошедшие за несколько лет изменения привели к появлению психологии «вседозволенности», господству эгоистических устремлений. Цель данной статьи состоит в том, чтобы обозначить основные повседневные настроения гражданина, жившего в условиях революции и гражданской войны, а также предпринять попытки по выяснению мотивов его общественной деятельности. Изучение социального контекста в указанный исторический момент (1917–1920 гг.) следует проводить на материалах крупных российских городов, таких как Москва, Петроград, ряд губернских центров (Владимир, Калуга, Тверь, Нижний Новгород и др.). Приоритет «города» перед «деревней» в данном случае объясняется количеством проживающего в нем населения. В ряду вышеозначенных городов совершенно особое место занимала Москва. Кроме того, что с марта 1918 г. она вернула себе статус первой столицы, это единственный российский город, который в 1917–1920 гг. обладал миллионным населением.

Главным действующим лицом в революционном и после-революционном городе становится «сильный человек». Речь в данном случае идет не столько о физической силе, хотя и это тоже имело определенное значение, сколько о способности удержать за собой то, что принадлежит субъекту на правах собственности, или, наоборот, о стремлении за счет нарушения законных прав других людей приобрести, «нажить» чужое имущество. Для достижения поставленных задач в форме как законного, так и незаконного действия, очень час-

харцев С. Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921–1928 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; *Пашин В. П.* Советская Россия в 1920-е годы: власть, социальные аномалии, общество. Курск, 2006 и др.

то применялись физическая сила и огнестрельное оружие. Такую тенденцию в своей современной жизни москвич впервые заметил зимой 1917/1918 гг. Победа советской власти в Москве стала возможной путем активной вооруженной борьбы между противоборствующими политическими и военными группировками. Другой результат уличных боев заметен на наружных стенах сотен жилых домов. Например, дом № 5-Б по Скатертному переулку «сильно пострадал от орудийного огня (свыше 20 попаданий) и приведен в полную негодность»¹. Не многим лучше пришлось дому № 15 по Никитскому бульвару. Последний, оказавшись в центре баррикадных боев, испытал «пулеметный и даже артиллерийский огонь», который разрушил «часть карниза дома, были выбиты все стекла и частью рамы в верхних этажах, изрешеченной оказалась вся крыша»².

Современник, видевший своими глазами последствия боев за ключевые пункты города, свидетельствовал: «Разбито и сожжено дотла несколько домов, от которых остались одни полуразрушенные стены». За 10 дней революции в Москве, находясь в своих домах, погибло, по слухам, от 5 до 7 тыс. чел.³ Большие потери среди мирного населения происходили потому, что дома обывателей использовались как ориентиры для огневых расчетов. Ю. В. Арсеньев, хранитель Оружейной Палаты Кремля, во время боевых действий советовал своим знакомым пораньше выключать свет, чтобы не представлять собой удобной мишени для обстрела⁴. Несчастный случай мог произойти с любым человеком, независимо от степени близости к стратегическому пункту. Так, писатель И. А. Бунин мог погибнуть от взрыва бомбы, которая «случайно» попала в дом, где он проживал⁵ (Поварская, 26). В этом отношении показателен протокол заседания от 2 ноября 1918 г. комитетов 16 домов по Владими́ро-

¹ ЦАГМ. Ф. 1564. Оп. 1. Д. 27. Л. 7.

² Там же. Л. 119.

³ Окунев Н. П. Дневник москвича 1917–1924: В 2 кн. М., 1997. Кн. 1. С. 100, 108.

⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 43. Оп. 1. Д. 101. Л. 5.

⁵ См.: Бунин И. А. Дневник 1917–1918 годов // Бунин И. А. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 2006. Т. 9. С. 222.

Долгоруковской улице (Пресненский район Москвы), в котором выражался «коллективный протест против кровавой бойни». Население этих домов просило и «даже умоляло перенести боевые операции за пределы города, или прекращения обстрела домов артиллерийским огнем, дать минимум гарантий безопасности мирным жителям»¹. Кроме того, противоборствующие стороны – как красногвардейцы, так и юнкера, для достижения поставленных тактических задач, часто «прикидывались мирными обывателями». Все перечисленное приводило к тому, что человеческая жизнь обесценивалась, более того, совершенно неоправданно возникало стойкое подозрительное отношение к мирному жителю.

В обстановке взаимного недоверия, продолжавшихся и после октября 1917 г. военно-политических столкновений на улицах города мародерство получило благоприятную социальную среду, морально готовую к грабежу, к тому, чтобы постоянно исполнять роль жертвы. Главными действующими персонажами устных городских «историй», повествующих о том, что где-то с кем-то что-то случилось, становятся красноармеец и грабитель. Часто они уживались в одном лице, которое посредством формулы «Откройте, именем революции!» вторгается в частное пространство дома. Эта тема заняла одно из первых мест в повседневном общении, и при всей фантастичности, иногда несуразности отдельных рассказов они получили широкое распространение.

Поскольку государство не могло гарантировать своим гражданам безопасность, то они сами старались защитить себя. Отсюда ряд обращений домовых комитетов в Военно-Революционный Комитет г. Москвы с просьбой выдать винтовки. Не стоит переоценивать данный факт – боеготовность своеобразных добровольческих дружин, составленных из жильцов одного дома, явно не на самом высоком уровне. В ироничной «Песенке "героев" домовых комитетов» отражена суть деятельности отрядов самообороны:

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 749. Л. 12.

Оружьем на солнце сверкая,
Сидели на лестнице мы,
Свободу и честь защищая,
В октябрьские страшные дни.
Победы порядку желали,
Помочь мы друзьям не могли,
Покой мы в домах охраняли
В печальные темные дни...¹

Самый надежный способ защитить себя состоял в том, чтобы обратиться к профессионалам. В частном письме, изъятном у одного из председателей домовых комитетов в декабре 1917 г., сообщалось: «С полковником Валентином я переговорил относительно охраны и последний согласился поставить охрану, если мы будем платить по 350 руб. на человека в месяц, при готовой квартире, бесплатном кипятке и карточках на хлеб и сахар. Еще предлагали услуги офицеры Оленников П. С. и Попович С. И., но последние желали бы, чтобы им оплачивали по 40 руб. ежедневно на человека, при готовой квартире и кипятке. Кроме этого, предлагал людей для охраны Нил Петрович из бывших пожарных брандмейстеров»².

Ночь. Темно и жутко,
Пробирает дрожь,
Каждая минутка
Нам сулит грабеж.
Кто сейчас ворвется?
Кто взведет курок?
Где-то раздается:
«Жизнь, иль кошелек»³!

Если возможность нанять профессионалов для защиты отсутствовала, то другой способ сохранить себя и свою семью состоял в том, чтобы пораньше гасить в доме свет, по-

¹ *Фонарь*. 1917. 27 нояб.

² ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 749. Л. 30.

³ *Трудовая копейка*. 1918. 9 марта.

стоянно делать вид, что «никого и никогда нет дома», безразлично относиться ко всему, в том числе и к крикам умирающих в соседней квартире людей. «Все квартиры с быстротой молнии облетела весть, что соседей грабят, но никто не поднял тревоги. На улицах, площадях, бульварах – то же самое. Когда кого-нибудь раздевают, отбирают: кошельки, портсигары, кольца, обыватели перебегают на другую сторону или поворачивают обратно. В домах наглухо затворяют ставни. Ставни в окнах, щиты в воротах – это явление нового порядка»¹.

Крики жертв, особенно в ночной тишине, слышали все современники революции и гражданской войны. С 22 ч в городе уже наступало ночное время, и в прежние спокойные времена обыватели готовились ко сну или, по крайней мере, не мешали это делать окружающим. С зимы 1917/1918 гг. ночь несла не только восстановление сил, но и вероятность смерти. Из показаний чудом выжившей жертвы в январе 1918 г.: «Я, Сергей Константинович Грунау, шел из дома, находящегося у Красных Ворот, дойдя до Земляного Вала, я услышал выстрел, который произошел впереди меня. В этот же самый момент я почувствовал боль в левой руке, я стал звать на помощь, но ко мне никто не подходил, так как время было позднее. Тогда я направился к своей знакомой, к Е. И. Осиповой, так как до нее было близко дойти, чем до моего дома, для оказания помощи»².

Показательный анекдот февраля 1918 г. Описывается совершенно невероятная ситуация: оживший К. Маркс «заявляется» в одно из советских учреждений на прием к комиссару новой власти. «Ваше лицо, – сказал комиссар, – мне будто бы знакомо. Вы не из раскаявшихся саботажников? Не у вас ли в квартире я производил третьего дня обыск»? «Нет, – сказал господин и вздохнул, – я, видите ли, Карл Маркс». «Карлуша! – радостно вскочил со стула комиссар. – Вот радость-то! Какими судьбами»? «Я, видите ли, выпросился с того света посмотреть, как вы тут социализм вводите... Но уж за 3 дня насмотрелся, будет... Нельзя ли мне теперь на

¹ Понедельник власти труда. 1918. 16 апр.

² ЦАГМ. Ф. 2299. Оп. 2. Д. 13. Л. 56.

Родину, в Германию)? «Ни, ни, – замахал руками комиссар, – и не думай, Карлуша, не отпустим. Да и что ты за 3 дня видел? Самые пустяки. Мы тебя в курс введем...». Карл Маркс вздохнул: «Прав Бакунин!». «А что?» – насторожился комиссар. «Не хотел ехать со мной. Уж я ли его не упраскивал. Комиссар улыбнулся. Замолчали. Стало слышно, как в ближайшем переулке кто-то кричал караул»¹.

Итак, базовыми характеристиками «сильного человека» в революционном и послереволюционном городе выступает недоверие и безразличие по отношению к окружающим людям. Но, чтобы постоянно поддерживать свои «силы», у такого субъекта должны быть, во-первых, место для безопасного отдыха и, во-вторых, сносное питание. В удовлетворении элементарных физиологических потребностей в советском городе большое содействие оказывало наличие «правильного» социального происхождения. Последнее условие гарантировало не только широкую государственную поддержку, но и одобрение самостоятельных действий «сильного человека». Идеология социальной справедливости, направленная на то, чтобы сравнять условия жизни самого бедного «пролетария» и самого богатого «буржуя», была поддержана широкими городскими кругами, в первую очередь, из рабочей среды. Большую популярность встретила идея «справедливого» перераспределения жилья путем «извлечения» рабочих из подвалов, чердаков и прочего «неудобного жилья», куда их «загнал старый режим и капиталисты». Требование населения трущоб об улучшении жилищных условий, само по себе законное, приобретало черты поиска врагов среди своих же сограждан, с которыми необходимо вести самую ожесточенную борьбу.

Жилищный передел производился в Москве в несколько этапов: путем уплотнений, выселений, переселений квартир. Курс на «самоуплотнение» граждан (весна – лето 1918 г.), направленный на то, что городская среда через внутреннее саморегулирование осуществит на практике идею социальной справедливости, в целом закончился неудачей. Характерное «письмо во власть», датированное летом

¹ *Фонарь*. 1918. 25 февр.

1918 г., от гражданина Демидчикова в Исполком Московского Совета Р. и К. Д.: «...наниматель приходит и далжон низко сконится тому же буржую. Тода получишь комнату. Знать наши товарищи заставляють им опять в починение и на их усмотрение, а комитету дома не понравится фигура человека конечно, пролетарского класса отвичают нет у них квартир, потому что не желают, чтобы мужик жил вместе с барином. Вот только для такова мужичка свободен подвал, где уже воды полно, а между тем записана меблированная комната и цена 35 рублей... Долой подвалы, баронов, угнетателей, капиталистов»¹. С другой стороны, так же легко было уплотнить «буржую», для этого было достаточно доказать факт эксплуатации в прошлом или в настоящем времени.

В ответ на требование жилья, идущее «снизу», с осени 1918 г. начинается массовое выселение «буржуазнопаразитических элементов» из Москвы. Практика выселений показала, что под определение «паразит»² вполне мог попасть любой гражданин, в том числе и рабочий. Обыватель чувствует свое бессилие, единственная надежда остается на главу партии и правительства: «Уважаемый Владимир Ильич! Сознаем, что у Вас очень много дел и входить Вам во все мелочи нашей повседневной жизни невозможно. Доводим до Вашего сведения, что сейчас делает московский трудовой элемент: рабочие пытаются занять наши, таких же трудящихся (приказчики, конторщики, служащие торговых предприятий и пр.) квартиры, а нас выселяют в короткие сроки. Предоставить всем нам, советским служащим, квартиры и комнаты в черте Городского района Москвы, конечно, нельзя, так как последний заключает в себе, главным образом, торговые помещения и конторы. Переехать в другие районы мы не можем. Убедительно просим, глубокоуважаемый товарищ Владимир Ильич, сделать распоряжение о крайнем уплотнении жилищ согласно последнему распоряжению от 26 октября, тем более уплотнение явится и сохранением топлива, – но только никого не выселять из домов. Ведь стон стоит по Мо-

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 728. Л. 104, 104 об.

² Лицо, проживающее на свои доходы, получаемые без затраты труда.

скве, многие плачут со своим выселением. Прекратите сумятицу, оставьте жить всех так, как живут, хотя бы до весны, прикажите только уплотниться. Добрейший товарищ Владимир Ильич, не омрачайте канун великого праздника годовщины Октябрьской революции. Ведь он нам трудящимся-служащим одинаково дорог, как и рабочим, от которых мы ничем не отличаемся»¹. В частной переписке того времени еще больше людского горя: «Прихожу домой и сижу, грезясь в одну точку, ничего не читаю, не играю, в голову лезут черт знают какие мысли. Последние дни – один сплошной кошмар, разнесся слух, что наш дом реквизируют, то есть мы все на улице... прямо не знаю, что делать, ведь у нас никого нет, к кому можно было бы переселиться, и ты знаешь, сколько в нас всех энергии! А теперь особенно: папа ноет вовсю, я ему подвываю, кажется, даже еще больше. Мама совершенно измучена хозяйством и бытием... надо что-нибудь предпринимать, а мы только сидим и треплем языками. Кажется, было бы величайшее счастье, если бы не выселили, только чует сердце, что этого не будет»².

Кроме «сильного человека», жизни рядового обывателя в годы революции и гражданской войны угрожали такие явления, как голод и холод. Для современников гражданской войны пища и дрова – одновременно и мечта, и та реальность, в которой приходилось бороться за право на свое существование. Поэтому, вместо того чтобы идти завтра на место работы или учебы, субъект «добывал» продовольствие, укреплял безопасность своего жилища, разыскивал топливо. В условиях кризиса снабжения городов, растущей безработицы, общей разрухи, горожанин поставлен перед фактом самостоятельной заботы о себе и членах своей семьи. Нездоровая деловитость – еще одна черта «сильного человека», способного пережить кризисную ситуацию. Его главное стремление состояло в том, чтобы обратить окружающее имущество, неважно кому оно принадлежит: соседу, городу, государству, в продовольствие или дрова. Поэтому на улицах часто можно было встретить прохожего с топором на плече.

¹ ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 13. Д. 23. Л. 79, 79 об.

² ЦМАЛС. Ф. 68. Оп. 2. Д. 68. Л. 3 об.

Он направлялся рубить городские парки, телеграфные столбы, разбирать на дрова деревянные жилые здания, ломать у своих соседей заборы и изгороди. Он идет, «чтобы рубить или спилить первую попавшуюся под руку деревянную вещь: дерево так дерево, забор так забор. А то и дома кусок захватит»¹. По свидетельствам современников, люди сбиваются в «стаи», «рыскают» по Москве в поисках «щепок», оставляя после себя только кирпичные печи с «торчащими трубами». Разрушенные дома «делают похожей бедную Москву на город, перенесший большой пожар или сильную бомбардировку»². Точно такая же ситуация наблюдалась и с «добыванием» продовольствия. «Один, самодовольно поглядывая, тащит в мешке на спине картошку, другой – перегибается под тяжестью мешка с капустой, а третий, озираясь, словно "тать в ночи", прячет подмышкой мешочек с мукой или же тщательно завернутую коврижку хлеба». Даже «домашний очаг теряет свою прелесть, где часто вместо ласки, уюта, душевного отдыха попадают суровые, деловые родственники... все начинают жить для тела, которое с жадностью чудовища пожирает скудные подачки времени, оно заставляет думать о нем больше, чем когда-либо»³.

Но и у самого «сильного человека», способного самостоятельно обеспечить себе более или менее сносные условия существования, были свои страхи. В условиях истощения человеческого организма, повсеместной нехватки медикаментов, медицинского оборудования, любое, даже самое незначительное заболевание могло таить в себе смертельную опасность. Угроза нашествия эпидемий напрямую зависела от количества людей, проживающих в том или ином населенном пункте, состояния коммуникаций (водопроводных и канализационных труб), уборки улиц и т. п. Очевидно, что такая угроза актуальна, в первую очередь, для крупного города с большим количеством жителей. Уже к весне 1918 г. типичный московский дом представлял собой печальное зрелище. За время мировой войны во многих зданиях как внут-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 454. Оп. 3. Д. 51. Л. 44 об.

² Там же. Л. 48 об.

³ Там же. Л. 32.

ренный, так и внешний ремонт не производился. Отсюда – проблемы с центральным отоплением, неисправная канализация, проржавевшая крыша, во многих местах которой были дыры, развалившиеся кухонные печи и плиты, сгнившие рамы и двери, обвал штукатурки. Кроме того, сырость, холод, накопившиеся во дворах мусор, груды нечистот...

Прямые призывы врачей к соблюдению населением чистоты и элементарной гигиены не могли быть исполнены. «Мыть руки перед едой» – из-за дефицита мыла. «Не употреблять в пищу подозрительных и несвежих продуктов» – до 90 % составляющих продуктовой корзины представляли собой суррогаты или пищу сомнительного качества. Например, в период с 15 апреля по 15 июня 1918 г. на «Всероссийском» Сухаревском рынке было взято 65 проб съестных продуктов, по которым санитарные врачи получили 59 ответов. При этом выяснилось, что в 40 случаях продукты негодны к употреблению, в 3 случаях оказались низкосортными и «допущены на продажу лишь ввиду тяжелого состояния рынка», и только в 16 случаях обнаружались доброкачественные продукты. Кроме того, 46 проб было уничтожено на месте, так как их непригодность к употреблению не вызывала сомнений¹. На это накладывалась жизнь за порогом нищеты порядка 25 % москвичей (около 400 тыс. чел.), которые расходовали наличные средства лишь на приобретение продуктов, совершенно позабыв о личной гигиене. Жилища, одежда городской бедноты стали благоприятной средой для популяций насекомых, переносящих заболевание от человека к человеку. Избежать встречи с таким человеком было невозможно, и потенциально, каждый горожанин в условиях ежедневно нараставшей нищеты может рассматриваться как настоящий или будущий носитель инфекции.

Нет ни хлеба, ни муки,
Ни белья, ни рыбы с мясом,
И влачу я тут деньки,
Настоящим папуасом.
Пусть на мне растут грибы,

¹ ЦАГМ. Ф. 2315. Оп. 1. Д. 7. Л. 179 об.

Пусть раскис я, точно тесто, –
 Не желаю я борьбы,
 И отвык я от протеста ¹.

Простой человек, живущий потребностями сегодняшнего дня, чувствуя свою неспособность решить проблему риска получить заболевание, начинал апеллировать к властям. Характерное «письмо во власть» (1919 г.): «Товарищи Врачебно-Санитарного Отдела! Прошу обратить внимание на нашу просьбу. Будьте добры отрядить комиссию и осмотреть, какая грязь и зараза находятся во дворе дома № 3 по Мытной улице, около Калужской площади. Весь двор представляет из себя одну сплошную грязную яму, по всему двору кишат черви и даже на улицу вытекает червовый ручей. Сюда же выбрасываются различные нечистоты, и ввиду скверного воздуха нельзя открывать окна, которые выходят во двор. Ведь от *такой заразы могут разводиться различные эпидемические болезни* (курсив мой. – А. Ф.). Надеемся, что Вы не откажете в нашей просьбе и осмотрите наш дом. За это принесем Вам искреннюю и глубокую благодарность... очень и очень просим не оставить нашей просьбы» ². Жители крупного губернского центра (Воронеж) «утешали» москвичей: «Москвичи, проклинаящие свою жизнь, едва ли могут, тем не менее, представить себе ту кошмарную обстановку, в которой живет и мучается население крупного губернского города. Во всем Воронеже, несмотря на острую тифозную эпидемию, нет ни куска мыла, прачечные закрыты. Частных прачек, за отсутствием мыла и дров, также нет. Чтобы выстирать белье приходится у спекулянтов доставать кусок не то извести, не то глины, носящее название мыла, за 20 руб. фунт. В городе нет бань, дезинфекция и борьба с насекомыми поставлены отвратительно. В больницах лежит множество трупов по нескольку недель; крысы грызут эти трупы, разнося по всему городу страшную заразу... власти почти не в состоянии бороться с надвинувшимся бедствием» ³. Достаточно

¹ *Сегодня*. 1918. 3 июля.

² ЦАГМ. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 18. Л. 109.

³ *Вечерний курьер*. 1918. 17 февр.

трудно представить себе, и «насколько бесшабашна и нецелесообразна так называемая канализация города Калуги»¹.

Таким образом, право собственности в российском обществе в 1917–1920 гг. получило свое особое толкование: обладание тем или иным материальным благом становилось предметом зависти со стороны окружающих. Чтобы обрести его, обыватель прибегал к революционным понятиям и формам действий, но для того чтобы сохранить, возобновлялась консервативная этика неприкосновенности. Общегородская нивелирующая атмосфера пронизана взаимной враждой и недоверием, а «главным» становится тот, за кем сила. Такой город достаточно легко контролировался жесткой диктатурой, жизнь человека здесь ничего не стоит, и перед лицом объективных трудностей, вызванных последствиями революции и войн, каждый сам за себя, воюет с таким же слабым соседом, но является ничем для власти.

¹ *Калужский санитарный обзор*. 1918. № 5–8. С. 251.